

Не успели моргнуть глазом, как наступил Новый год. На улицах развернулась оживлённая торговля, открылись театры. В конце года из форта семейства Фань пришёл годовой отчёт о доходах и расходах — согласно правилам, его должен был самолично проверить и переписать набело глава семьи, однако Фань Лянь был таким легкомысленным, что откладывал это занятие до последнего — и вот теперь он вместо изголовья спал на счётах, днюя и ночуя вместе с ними. Оставшись в одиночестве, ничем не отягощённый Чэн Фэнтай продолжал со спокойной душой бездельничать, ведь в праздники ему никто не докучал. И всё же теперь, когда Фань Лянь был занят и некому было составить компанию в его выходках, все развлечения утратили интерес, так что второй господин Чэн целыми днями бесцельно слонялся, посещая театральные представления в домах своих приятелей. Хоть он по-прежнему не разбирался в пьесах, они напоминали ему о Шан Сижую. Однако игравшие там актёры не обладали чистотой и выразительностью голоса Шан Сижую, и их сценические образы были не столь красивы. Если подумать, то с того дня, как Чэн Фэнтай порвал Шан Сижую рукав, прошло уже несколько недель, а актёр всё не показывался ему на глаза — неужто до сих пор держит на него обиду? Чэн Фэнтаю хотелось вновь взять его с собой развлекаться, а заодно и принести извинения. Молодой актёр был простодушен и прямолинеен, так что дразнить его было одно удовольствие — он в самом деле был невероятно милым.

Большинство своих представлений Шан Сижуй теперь давал в большом оперном театре «Цинфэн» [1], потому что ему нравилось менять свои пьесы, а этот театр, будучи более новаторским, в сравнении с другими более терпимо относился к его нововведениям — здесь, даже если его прочтение не встретит понимания публики, Шан Сижую не грозило такое орудие возмездия, как чайник с кипятком. Кроме того, сцена здесь была выше и помещалась дальше от зрителей, так что добросить до неё крупные предметы было не так просто — а потому для Шан Сижую здесь было куда безопаснее.

Театр «Цинфэн» помещался в здании в западном стиле с часовой башней. За ним имелся узкий тёмный переулочек, который вёл к гримёркам за сценой. Когда-то Чэн Фэнтай имел некие отношения с одной известной актрисой и потому всё здесь как следует изучил. К тому же, они с Шан Сижуюем теперь могли считаться хорошими знакомыми, а потому можно было обойтись без формальностей. Велев своему водителю Лао Гэ остановиться у главного входа, сам второй господин Чэн наощупь двинулся по переулку напрямик к гримёрке Шан Сижую. Он ещё не успел постучать в дверь, как из-за неё раздался пронзительный женский голос:

— Это ещё как посмотреть, кто из нас шлюха! Не делай вид, будто ты тут ни при чём! Да даже если ты перепишешь со всеми зрителями, всё равно тебе не дадут первую роль! Чтобы такая шалава [2] — и играла Цуй Инъин [3]? Тьфу на тебя!

— Не будь сама Цуй Инъин беспутной, она не вступила бы в связь с Чжан Шэном! — перебил её возмущённый женский голос. — А ты после того, как в рот брала у всех подряд, думаешь, достойна играть Цуй Инъин?

— Брехня это всё, мать твою! Ты сама это видала?

— А тебе бы хотелось в другое место? Ты такая уродина, кто ж тебя захочет!

Так они крыли друг друга на чём свет стоит, галдя всё громче, словно девицы в борделе — сил не было это слушать. К брани актрис примешивались голоса тех, кто пытался их унять, звуки рвущейся ткани, звон бьющейся посуды и грохот опрокидываемой мебели, а также всхлипы и вскрики боли — словом, оттуда доносилось что угодно, кроме голоса Шан Сижуйя.

Чэн Фэнтай подумал, что зашёл не вовремя — хозяина труппы тут явно не было, да и от таких непристойных разговоров [4] в брюках стало тесно. Он уже собрался было уходить, когда кто-то всхлипнул:

— Шан-лаобань, хоть вы им скажите!

— Я уже говорил, — еле слышно отозвался Шан Сижуй. — Велел им прекратить скандалить, но они не слушают!

— Вы же хозяин труппы!

— А что толку, что хозяин? — невозмутимо ответил Шан Сижуй. — Старшие сестрицы сами разберутся, а я вечером вернусь и узнаю, чем дело кончилось. Сяо Лай! — позвал он. — Сяо Лай, запомни, кто что сломал, а потом вычти из ежемесячного жалования!

Хоть на перепалку его слова и не повлияли, стоило ему это сказать, как звуки разрушений тотчас прекратились.

— Вечно они лаются, сколько ж можно! — посетовал Шан Сижуй. — Да ещё такими словами, что слушать противно! Ни одна из них ни капельки не похожа на Цуй Иньин. — Спорщицы не обратили ни малейшего внимания на сказанные безучастным [5] голосом слова.

Продолжая ворчать под нос, Шан Сижуй толкнул дверь — и тут же налетел на второго господина Чэна. Огорошенный этой встречей, актёр поневоле почувствовал себя крайне неловко при мысли о дразгах внутри труппы, которым нежданный визитёр стал свидетелем.

— Второй господин, что привело вас сюда?..

— Шан-лаобань, у вас будет время, чтобы перекусить вместе со мной? — сдерживая смех, ответил Чэн Фэнтай.

От внезапного предложения Шан Сижуй задохнулся, но деваться было некуда:

— Да, давайте сходим!

Последовав за Шан Сижуйем, Сяо Лай окинула Чэн Фэнтая быстрым взглядом, после чего плотно закрыла дверь и шёпотом спросила:

— А что, если они так и не закончат скандалить?

— Тогда пусть идут туда, где побольше места, и дерутся там — кто победит, тот и прав. А я пошёл.

На этот раз Чэн Фэнтай не удержался от смеха. Обняв актёра за плечи, он повёл его прочь, радостно заявив:

— Шан-лаобань, вы такой забавный!

Шан Сижуй и сам чувствовал, что со стороны выглядит смешно.

— Так почему вы решили сегодня уделить мне время? — расхохотавшись, спросил он.

— Разве в прошлый раз я не порвал вам костюм? Сегодня хочу угостить вас в качестве извинения.

Шан Сижуй, не придавший тому случаю значения, с улыбкой вздохнул:

— Да я уже давным-давно забыл об этом!

— Шан-лаобань, чего бы вам хотелось отведать? — спросил Чэн Фэнтай, садясь в машину. — Давайте-ка я свожу вас в ресторан европейской кухни «Люго» [6], как вам такое?

Услышав о западной кухне, Шан Сижуй приуныл, но всё же кивнул в ответ. Он был таким человеком, что с хорошими знакомыми мог и пошутить, и побалагурить, а с теми, с кем сошёлся ближе всего, даже отваживался высказывать свои идеи; но сейчас с Чэн Фэнтаем он был не на такой короткой ноге, чтобы делиться своим мнением, ограничиваясь лишь шутками, а потому второй господин безраздельно решал, куда они пойдут обедать и что закажут.

Видя, что Шан Сижуй со знанием дела обращается со столовыми приборами, Чэн Фэнтай спросил:

— Шан-лаобань, вы часто заходите сюда поесть?

— Когда я жил у главнокомандующего Цао, я как-то раз ходил сюда с ним, — ответил Шан Сижуй. Поскольку актёр был весьма сообразителен, он сумел с первого раза запомнить назначение всех этих приборов. Тогда Чэн Мэйсинь надеялась выставить его дураком, но Шан Сижуй тут же подглядел, как пользуются столовыми приборами другие посетители — это было всяко не труднее, чем выучить жестикуляцию для женских ролей на сцене, при том, что некоторые жесты он использовал во время представлений не более трёх раз.

Чэн Фэнтай понимал, что, должно быть, то, что семья главнокомандующего Цао предпочитала западную кухню, исходило от Чэн Мэйсинь, а потому спросил:

— Когда вы жили у главнокомандующего Цао, должно быть, моя старшая сестрица доставляла вам немало неприятностей?

— Это уж точно! — прыснул со смеху Шан Сижуй. Подняв взгляд на Чэн Фэнтая, он тут же вспомнил, что тот — как-никак младший брат Чэн Мэйсинь, а потому, наверно, зря он пошутил на эту тему — в конце концов, постороннему не стоит вступать в отношения между родственниками, так что он тут же замолчал.

— Прошу, будьте к ней снисходительнее! — рассмеялся Чэн Фэнтай. — Когда я был маленьким, она вечно меня дразнила и подначивала, что уж говорить о вас!

— Правда? Это как же?

— Все лучшие игрушки доставались ей, и все вкусности тоже. А когда я стал постарше и завёл подражку в школе, она наябедничала отцу, и тот меня наказал.

У Шан Сижую тут же отлегло от сердца.

— Но вы не думайте, что я просто так дал себя в обиду! — продолжил Чэн Фэнтай. — Когда я узнал об этом, то поймал крысу и посадил ей в комод. Как только Мэйсинь открыла ящик, крыса прыгнула ей прямо в лицо и так напугала сестру, что та слегла с горячкой.

Шан Сижуй так развеселился, что расхохотался в голос — представив себе это в красках, он в полной мере отвёл душу.

— Но всё это было в детстве, когда я вырос, такого больше не повторялось, — говоря это, Чэн Фэнтай подумал, что с возрастом Чэн Мэйсинь научилась вредить людям исподтишка, и столь мастерски овладела умением пускать пыль в глаза, что никто не мог уличить её в этом. — Шан-лаобань, а вы что делали, когда она вас притесняла?

Окажись на их месте другой брат госпожи и бывший любовник её мужа, они явно не стали бы такое обсуждать, но Чэн Фэнтай был сама непосредственность, а Шан Сижуй — само простодушие, так что когда эти двое прямолинейных людей сталкивались друг с другом, в разговоре между ними не было никаких запретных тем.

— Я всё время находился при главнокомандующем Цао, не отходя от него ни на шаг, — ответил Шан Сижуй. — А когда он уходил, я тут же убежал на верхний этаж и прятался там, чтобы ваша старшая сестра меня не нашла.

Ничего удивительного, что, когда Чэн Мэйсинь упоминала о Шан Сижую, её голос прямо-таки

сочился злобой, которую некуда было выплеснуть. Если бы она смогла расправиться [7] с ним раньше, то не пришлось бы ей теперь скрежетать зубами, вновь и вновь вороша в памяти старые обиды. Как бы ни была сильна её ненависть, не могла же она отравить Шан Сижую прямо на глазах у главнокомандующего, а потому ей только и оставалось, что выказывать свою неприязнь надменным выражением лица и едкими словами. В свою очередь, Шан Сижуй не желал ссориться с ней из-за пустяков, однако он тоже был весьма находчив в словах, а также умел покапризничать и пожаловаться, а потому Чэн Мэйсинь в конечном итоге так и не смогла его выдворить.

— Тогда почему же вы покинули резиденцию главнокомандующего?

— Потому что я хотел выступать в театре.

— И главнокомандующий Цао вас отпустил?

— Не сразу. — Шан Сижуй отложил нож и вилку и изобразил пальцами пистолет. — Он схватил пистолет, приставил его к моей голове и спросил, хочу ли я остаться или выступать в театре. Я всё равно сказал, что хочу играть на сцене, и тогда он меня отпустил.

При этих словах Чэн Фэнтай до глубины души восхитился отвагой Шан Сижую, который ради своего стремления к сцене не побоялся даже смерти.

На столе изящно выложенные на фарфоровых тарелочках блюда то и дело сменяли друг друга. Как ни странно, в воздухе совсем не ощущалось запахов еды. Вокруг царила полная тишина, рядом навтыжку стояли официанты. Чэн Фэнтай был привычен к подобной атмосфере, так что ел в своё удовольствие, а вот Сижуй лишь едва прикасался к блюдам [8], боясь лишний раз пошевелиться. При виде этого второй господин решил, что актёр не желает переедать, так как бережёт фигуру.

Когда дошло до главного блюда — бифштекса средней прожарки с чёрным перцем — Шан Сижуй взял нож и принялся разрезать мясо на мелкие кусочки. Не решаясь попробовать, он покачал головой:

— Эта кровь... может брызнуть человеку прямо в лицо...

Чэн Фэнтай проглотил вино, которое было у него во рту, чтобы не выплюнуть его от смеха, и поглядел на бифштекс на тарелке Шан Сижую, который вовсе не был таким уж сырым.

— Это блюдо и должно быть таким. Если правильно выбрать говядину, то вкуса крови совсем не чувствуется. Шан-лаобань не привык к таким блюдам?

Шан Сижуй откусил кусочек, через силу прожевал — и не нашёл в его вкусе ровным счётом ничего хорошего.

— Эти иностранцы достойны жалости, — заключил он. — Если они всякий раз едят это сырое мясо, неудивительно, что они такие драчливые.

— Вас послушать, так Альянс восьми держав [9] напал на нас, чтобы захватить как следует прожаренную говядину, — со смехом ответил Чэн Фэнтай.

— Именно потому, что у нас все лучше, чем у них, они и хотят нас захватить, — расплылся в улыбке Шан Сижуй.

— Так оно и есть, — серьёзно кивнул Чэн Фэнтай. — В год белой мыши [10], стоило иностранцам увидеть карликовое дерево на камне, как они решали, что повстречали необычайную диковину, а когда им попадалась ваза из тонкого фарфора, то они и вовсе впадали в экстаз. Однако знаете, что они ценят превыше всего?

— И что же?

— Больше всего они охочи до юных китайских актеров, в особенности таких, как Шан-лаобань — мужчин, играющих женские роли.

— Второй господин, вы, верно, шутите.

— Какие уж тут шутки! На самом деле, у них тоже есть такие певцы — их кастрируют, прежде чем у них сломается голос, и в результате их голос на всю жизнь остаётся тонким и звонким, так что они могут брать ноты выше, чем женщины.

— Совсем как евнухи в труппе «Наньфу», — рассудил Шан Сижуй.

— Но даже если голос подходит, то когда они облачаются в костюм и гримируются, чтобы играть женские роли, это никуда не годится! Где же этим иностранцам увидеть, как мужчина играет женщину лучше, чем на это способна сама женщина? И вот иностранные послы прибывают в Китай, осматриваются — и ого! — выкатывают глаза! На сцене — целый сад ликов, подобных цветам и ясных, будто луна [11], станов, гибких, будто ива, со сладкими голосами и женственными манерами, ясными очами, и вопреки всем ожиданиям, это — мужчины со всеми причиндалами! Вот и скажи, редкость это или нет? А потом, возвращаясь на Родину, они так и эдак расписывают это своим правителям.

— Правда, что ли? — при этих словах Шан Сижуй даже положил вилку. — А дальше что?

— А дальше, ну, в дело вступает Альянс восьми держав.

— Что?!

— Когда прибывает Альянс восьми держав, то главным образом он похищает актёров; также они заодно прихватывают некоторое количество золота и серебра и отвозят своим правителям, чтобы те построили... — поманив Шан Сижую поближе, Чэн Фэнтай продолжил: — ...золотую клетку размером с театр «Цинфэн». Сидя в ней, актёры в костюмах и гриме день и ночь дают представления, и, если знати нравится, то они бросают им немного еды.

История Чэн Фэнтая звучала весьма странно — Шан Сижую никогда не доводилось слышать ни о чём подобном.

— Это неправда... — нахмурившись, сказал он, однако при этом тут же вспомнил про год Белой мыши, когда Нин Цзюлан жил во дворце. Его друг всегда обходил молчанием этот период своей жизни, вплоть до того, что менялся в лице от одного упоминания о нём — так что Шан Сижую трудно было судить, что правда, а что нет.

— Я вам открываю секретные сведения, а вы мне всё равно не верите, — посетовал Чэн Фэнтай.
— Ну не верите — так и не надо, давайте есть.

После этого Шан Сижуй совершенно потерял аппетит: он будто только что услышал историю из «Повестей о странном из кабинета Ляо» [12], причём довольно жуткую. Про себя он порадовался, что, родившись на десять лет позже, избежал подобной участи, а также тому, что у Нин Цзюлана был такой спаситель, как Ци-ван, так что его друг не был среди бела дня [13] похищен иностранцами — воистину, Всемогущие небеса помогают хорошим людям.

Последним блюдом подали такой вкусный кокосовый пудинг, что, очнувшись от раздумий, Шан Сижуй спросил:

— Что это такое?

— Это иностранный миндальный тофу, — немного подумав, ответил Чэн Фэнтай.

— Прекрасно приготовлено! И совсем не пахнет бобами! — восхитился Шан Сижуй.

Дурачить этого актёра уже вошло у Чэн Фэнтая в привычку.

Поскольку они так и не наелись досыта, Чэн Фэнтай решил продолжить застолье, но на этот раз пойти туда, куда захочет Шан Сижуй. Бросив взгляд на наручные часы, актёр смущённо предложил:

— Тогда давайте сходим в лапшичную Ху Цзи.

Чэн Фэнтай никогда о ней не слышал, зато эту закусочную прекрасно знал Лао Гэ — ведь там готовили не знающую себе равных лапшу под соусом «чжацзян» [14] — так что водитель в мгновение ока [15] отвёз их туда и, остановив машину, вместе с Чэном и Шаном зашёл внутрь,

чтобы съесть мисочку горячей лапши.

Поскольку Шан Сижуй был здесь частым гостем, подавальщик знал его в лицо и, едва завидев актёра, радостно поспешил поприветствовать его:

— О! Шан-лаобань! Да ещё и не один! Давненько же вы сюда не захаживали, Шан-лаобань! Наверно, вы ставите какую-то новую пьесу, и потому так заняты? Чего пожелают господа?

Шан Сижуй обернулся в сторону Чэн Фэнтая, но тот не стал дожидаться, пока его спросят:

— Я не голоден.

Тогда актёр вытащил несколько цзяо [16]:

— Мне как обычно: миску лапши «чжацзян» и миску кисло-острого супа [17]. Сдачу оставь себе, но только не надо...

Он всё-таки не успел остановить подавальщика, который по устоявшемуся обычаю прокричал во весь голос:

— А, хорошо! Одна миска лапши «Чжацзян» и одна миска кисло-острого супа! Шан-лаобань пожаловал нам два мао!

Шан Сижуй невольно выдохнул холодный воздух и, подыскав свободный столик, молча сел. Чэн Фэнтай провёл по поверхности стола и потёр пальцы — он обнаружил, что все столы, стулья и лавки здесь сплошь покрыты толстым слоем жира. В душном зале стоял густой запах лука и соевого соуса, всё вокруг закоптилось и засалилось настолько, что негде было ни сесть, ни встать. Однако в последние несколько лет Чэн Фэнтаю где только не довелось побывать [18], так что он был уже не тот изнеженный и привередливый молодой господин, который некогда жил в родном поместье. Не поморщившись, он сел, налил себе терпкого и горького чая из чайного брикета [19] и сделал глоток.

Глядя на это, Лао Гэ подумал про себя: «Вот он каков, наш второй господин — всё-таки есть особый стиль в том, чтобы и в таком месте сидеть, словно в ресторане европейской кухни».

Несколько закусывавших поблизости носильщиков с покрытыми паршой головами и воспалёнными глазами, услышав крик подавальщика, тут же подошли к их столу со своими площадками. При виде этого Чэн Фэнтай опешил, но они, похоже, тоже были давними знакомыми Шан Сижуй и подошли, по всей видимости, не для того, чтобы усесться за их стол. Не обращая внимания на Чэн Фэнтая, они, улучив удобный момент, столпились рядом. Чэн Фэнтаю было не по силам справиться с ними, и потому ему только и оставалось, что потесниться. Там был один рослый детина-рикша, который, несмотря на зиму, был одет лишь в одну рубашку, закатанные рукава которой обнажали здоровенные мускулистые ручищи. Наступив ногой на скамью, на

которой сидел Шан Сижуй, он уставился на актёра, продолжая с шумом всасывать лапшу. Тот, прищурившись в улыбке, кивнул детине — беззаботная улыбка актёра была сродни той, какую нередко можно было увидеть на его лице во время вечеринок — куда более жизнерадостная, чем та, что предназначалась комиссару Чжоу. Глядя на это, Чэн Фэнтай про себя от души позлорадствовал над комиссаром.

— Шан-лаобань! Доброго вам здравия!

— Спасибо, и вам того же!

— Над какой новой пьесой сейчас работаете?

— Не новой, а немного видоизменённой: «Записки о постижении истины» [20].

— Чего?

— Она ещё носит название «Хуннян».

— «Хуннян» — это славно, славно, ха-ха! Как там поётся? «Ах, барышня! Барышня, твои манеры столь изящны...» — Детина пропел эту фразу высоким и тонким голосом, явно сфальшивив, отчего толпа взорвалась громоподобным хохотом. — Как же это поётся? Шан-лаобань, спойте-ка для нас!

— Ох, и правда! Ну же, спойте нам!

— Эй, Шан-лан [21], не стесняйтесь, пожалуйста нам отрывок, а?!

Они так шумели, что даже те посетители лапшичной, что не знали Шан Сижую в лицо, тоже подошли. Чэн Фэнтаю всё это было совершенно не по нраву — подобный галдёж всех этих деревенщин казался ему верхом неуважения, а молодой актёр так раним, что, должно быть, готов вспылить, чтобы скрыть смущение.

Лицо Шан Сижую в самом деле постепенно краснело, пока не залилось краской до самых ушей, однако на нём вовсе не проступало раздражения или гнева. В это время подавальщик наконец принёс его лапшу, выступив в роли «спасителя представления» [22]:

— Хватит шуметь! Сами видите — наш Шан-лаобань молодой, скромный и покладистый, а вы все так на него так насели, что он из-за вас больше сюда не придёт! А ведь успех нашей лапшичной зависит от славы Шан-лаобаня!

Однако собравшаяся толпа и не думала подчиняться, наперебой продолжая требовать, чтобы им спели.

— Не буду я вам петь, я голодный, я есть хочу. — Мешая лапшу, Шан Сижуй предложил: — Приходите в театр и слушайте сколько душе угодно. Там вам будут и костюмы, и грим, и, опять же, аккомпанемент на хуцине, а заодно это позволит и мне малость подзаработать на билетах.

Собравшиеся продолжали перебрасываться шуточками и уговаривать Шан Сижую. Одни уверяли, что не могут позволить себе билетов, другие — что не в силах дожидаться представления; иными словами, они всеми правдами и неправдами подначивали актёра. Шан Сижуй с детства страдал от голода и подвергался побоям, а потому, когда он ел, то делал это с таким увлечением и жадностью [23], что не обращал внимания ни на что вокруг, поэтому он просто поднял со стола свою миску и принялся самозабвенно [24] поглощать лапшу. Покончив с едой, он вытер рот и наградил Чэн Фэнтая смущённой улыбкой. Тот улыбнулся в ответ, и оба встали, собравшись уходить. Однако толпа почитателей ещё не натешилась вволю и, встав плечом к плечу, они не дали им пройти.

— Шан-лаобань! Не уходите! Мы же так давно не виделись с вами, поговорите с нами ещё немножко!

— Я здесь с другом! — тихо икнул Шан Сижуй.

— На всё воля Шан-лаобаня, — закурив, бросил Чэн Фэнтай. Как говорится в поговорке: «Нет ничего вкуснее пельменей» — и нет никого забавнее, чем актёры, а потому Чэн Фэнтай хорошо понимал этих людей.

Чернорабочие вновь принялись донимать Шан Сижую. Они перебрасывались шутками, которые были совсем не похожи на те, что в ходу у почтенных господ и их жён — они были грубыми, прямолинейными и весьма беспардонными — не было того, что эти люди считали бы запретной темой, начиная с того, не превращаются ли сливовые деревья во дворе Шан Сижую в демониц-искусительниц, и вплоть до того, когда он наконец женится и спит ли он с Сяо Лай.

— А зачем Шан-лаобаню жена? Кто-то видел своими глазами, как при свете полной луны красная слива в его саду приняла человеческий облик, чтобы послушать его пение.

— Так это демон или демоница?

— Демоница — это ещё куда ни шло; а если демон, то разве нашему Шан-лаобаню под силу такое вынести?

Они так и продолжали как ни в чём не бывало сыпать пошлостями, и Чэн Фэнтаю казалось, что Шан Сижуй вот-вот разозлится — он никак не думал, что актёр, покраснев, тем не менее терпеливо и доброжелательно ответит на все вопросы, веселясь за компанию с этими работягами. Время от времени он напускал на себя простодушный и наивный вид, к которому прибегал при общении с богатыми и знатными людьми. Это заставило Чэн Фэнтая взглянуть на актёра другими глазами: он подумал, что Шан Сижую отличает истинная душевная чистота, раз он не видит разницы между богачами и людьми самого низкого положения.

На самом деле, все люди в глазах Шан Сижую независимо от достатка делились на четыре категории по двум признакам: разбираются ли они в опере и поддерживают ли его. Те, что разбирались в опере и поддерживали его, были задушевными друзьями Шан Сижую; те, что разбирались в опере, но не поддерживали его, были достойны его уважения, но не дружеских чувств; если они не разбирались в опере, но поддерживали его, то с ними можно было весело провести время; а если они и в опере не разбирались, и его не поддерживали — то это какие-то посторонние люди, не заслуживающие его внимания.

Эти оборванцы определённо не слишком-то разбирались в опере: они просто слушали голос и получали удовольствие от представления, так что в глазах Шан Сижую относились к той же категории, что и почтенные господа с их жёнами за столом для игры в маджонг; к тому же, в отличие от богатых господ, этих людей он обидеть не боялся, а потому, само собой, они нравились ему куда больше.

Наболтавшись с ними всласть, Шан Сижуй поднялся с места со словами:

— Мне в самом деле пора, ведь я должен готовиться к вечернему представлению! — говоря это, он про себя подумал, что до сих пор не знает, чем закончилась драка за кулисами. — И прекратите городить чушь про меня и Сяо Лай! Если эта сплетня распространится, то как же её семья потом сможет выдать её замуж?

Все согласились с ним, но по-прежнему не желали отпускать актёра. Положение Шан Сижую было схоже с попугаем [25], которого держат в покоях императора — игрушкой знатных господ. Однако у этой пташки был такой редкостный характер, что она любила залетать в дома простых людей, чтобы повеселиться с ними, а потому они и не догадывались, насколько драгоценна эта птица.

Когда они, с большим трудом протиснувшись на улицу, сели в машину, Шан Сижуй всё ещё смеялся.

— Неужто вы не насмеялись там? — глядя на него, спросил Чэн Фэнтай.

— Второй господин, скажу вам по секрету, что тот дух красной сливы в моём саду... ха-ха-ха!

— И что с ним? В конце концов, это демон или демоница?

— Однажды я загримировался под дахуаляня [26] и надел красный костюм — а меня застучали в таком виде. Уж не знаю, почему потом поползли те слухи о духах...

— Хорошо, я потом развею эти слухи за вас, — кивнул Чэн Фэнтай.

— Зачем их развеивать, это же так забавно! Пусть себе болтают!

— Шан-лаобань такой озорник!

Слушая их, Лао Гэ за рулём машины веселился про себя.

Примечания переводчика:

[1] Цинфэн 清風 (qīngfēng) — название театра переводится как «Свежий ветер», а также «чистые нравы, высокая нравственность».

[2] Шалава 浪女 (làngnyǎng) — в букв. пер. с кит. «такая, как волна», обр. в знач. «женщина, заигрывающая с мужчинами, с беспутными манерами».

[3] Цуй Инъин 崔英英 (Cuī Yīngyīng) — персонаж рассказа Юань Чжэня «Постижение истины» 歸真集 (Huí zhēn jí), написанного в период династии Тан. В период династии Юань драматург Ван Шифу 王世修 (Wang Shifu) (1260-1316) на основе этого сюжета написал драму «Западный флигель» 西厢記 (Xī xiāng jì), которая до сих пор пользуется популярностью.

После смерти первого министра Цуя его жена и дочь Цуй Инъин везли гроб с телом покойного для погребения на родине, и в пути остановились в монастыре-храме Пуцзюсы. В это время студент Чжан Шэн (в другой версии — Чжан Цзюньжуй) был здесь проездом и, увидев барышню Цуй, был очарован её красотой и манерами. Встретившись с её служанкой Хуннян, Чжан Шэн сообщил ей все сведения о себе, однако та отчитала его за подобную бесцеремонность, сообщив, что её хозяйка уже просватана.

В те времена в Китае бесчинствовали многочисленные разбойные банды, и главарь одной из них Сунь Фэйху, прослышав о красоте Цуй Инъин, с отрядом в пять тысяч человек окружил храм Пуцзюсы, заявив, что, если ему не выдадут девушку, то он убьёт весь монастырь. Госпожа Цуй была вынуждена пообещать свою дочь в жёны тому, кто даст отпор бандитам. У Чжан Шэна был друг-генерал, он же отправил гонца с письмом, и друг Чжан Шэна привёл с собой армию, разбив бандитский отряд.

Однако госпожа Цуй обманула студента. Тот был вынужден обратиться за помощью к Хуннян, и служанка предложила ему поиграть на цине под стеной сада, когда барышня Инъин будет возжигать благовония. Благодаря стараниям находчивой служанки молодые люди сблизились; когда всё вскрылось, госпоже Цуй пришлось волей-неволей дать согласие на брак, чтобы избежать огласки.

[4] Непристойные разговоры — в оригинале 罵人話 (Mǎ rén huà de gùn er a bàng er) — в букв. пер. с кит. «в уши натолкали дубинок и палок», где дубинка — 棍 (gùn) и палка — 棒 (bàng) — грубое жаргонное обозначение пениса.

[5] Безучастный — в оригинале чэньюй 不痛不痒 (bùtòng bùyǎng) — в пер. с кит. «не болит и не

чешется», обр. в знач. «ни холодно ни жарко; не задеть за живое; не затронуть существа дела».

[6] Люго 六国 (Liùguó) — в пер. с кит. «Шесть царств» — противники Циньского царства в III веке до нашей эры.

[7] Расправиться — в оригинале чэньюй 手到擒来 (shǒu qǐ dāo lái) — в пер. с кит. «занести лезвие и опустить его», обр. в знач. «рубить с плеча; поступать быстро и необдуманно».

[8] Едва прикасался к блюдам — в оригинале чэньюй 浅尝辄止 (qiǎn cháng zhé zhǐ) — в пер. с кит. «попробовать и вдруг остановиться», обр. в знач. «скользить по поверхности; без особого интереса; не прилагать усилий».

[9] Альянс восьми держав 八国联军 (bāguó liánjūn) — объединённая армия восьми империалистических государств: России, США, Германии, Великобритании, Франции, Японии, Австро-Венгрии и Италии. Чтобы защитить своих граждан и китайцев-христиан, которые укрылись в Посольском квартале в Бэйпине, осаждённых отрядами ихэтуаней (боксёров), поддерживаемых правительством Цин, Альянс восьми держав в 1900 г. направил в Китай Международную освободительную экспедицию, в которую входили 45 тысяч солдат и матросов. В результате Альянс восьми держав одержал победу отрядами ихэтуаней и Императорской армией Китая, заставив правительство подписать неравный Заключительный протокол. Борьба с ихэтуанями продолжалась до января 1902 г.

[10] Год белой мыши — год гэнцзы — циклически повторяется раз в 60 лет, в данном случае — 1900 г., год Восстания ихэтуаней (боксёров).

[11] Подобных цветам и ясных, будто луна — чэньюй 花容月貌 (huā róng yuè mào) — в пер. с кит. «лицо-цветок, лицо-луна», обр. в знач. «женская красота».

[12] «Повести о странном из кабинета Ляо» — сборник мистических новелл об оборотнях, чудовищах и т. д. XVII в., автор — Пу Сунлин.

[13] Среди бела дня — в оригинале чэньюй 明火执仗 (míng huǒ zhí zhàng) — в пер. с кит. «с факелами и оружием», обр. также в знач. «открытый, откровенный, наглый (грабёж, разбой, злодейство, враг)».

[14] Лапша с соусом «чжацзян» 炸酱面 (zhájiàngmiàn) — или «старая пекинская лапша» с соусом из прожаренной рубленой свинины или говядины и ферментированных соевых бобов. Возникшее в провинции Шандун блюдо является характерным для Северного Китая.

[15] В мгновение ока — в оригинале 一眨眼 (yī liǎn yān) — в пер. с кит. «струйка дыма», обр. в знач. «быстро, мгновенно».

[16] Цзяо 鈔 (jiǎo qián) — монета в десять фэней, равная одной десятой юаня.

[17] Кисло-острый суп 酸辣湯 (suānlàtāng) — местное блюдо пекинской и сычуаньской кухни с уксусом и красным или белым перцем, варится на основе мяса с добавлением тофу, может содержать разные ингредиенты: древесные грибы «иудины уши», морковь, томаты, кусочки свинины, свиная или куриная кровь, бутоны лилейника и т.д.

[18] Где только не довелось побывать — в оригинале 過山趟水 (guò shān tàngguò shuǐ, chuǎngguòle sān guān liù mǎtóu) — в пер. с кит. «пересекал горы и реки, прорвался через три перевала и шесть пристаней».

[19] Чайный брикет 磚 (zhuānchá) — «чайный кирпич» — прессованный чай в форме плитки.

[20] «Записки о постижении истины» 滙真記 (Huì zhēn jì), или «Легенда о встречах со святыми» — другое название «Истории Инъин» времён династии Тан, см. примечание 3 к этой главе.

[21] -Лан 郎 (-láng) — приставка, означающая «благородный молодой человек», «сударь, господин» (в обращении слуги).

[22] Спаситель представления 救場 (jiùchǎng) — в пер. с кит. «спасать представление» — употребляется, когда во время представления актёра, совершившего ошибку выручают другие актёры, не давая представлению сорваться.

[23] С таким увлечением и жадностью — в оригинале чэньюй 橫掃千軍 (héngsǎo qiānjūn) — в пер. с кит. «одним махом смести тысячную армию врага».

[24] Самозабвенно 沒頭苦幹 (máitóu kǔgàn) — в пер. с кит. «уходить с головой в работу», обр. в знач. «трудиться не покладая рук».

[25] Попугай — в оригинале 鸚鵡 (yīnggē) — в букв. пер. с кит. «старший братец-попугай» — ожереловый попугай, латин. *Psitacus torquatus*.

[26] Дахуалянь 大花臉 (dàhuāliǎn) — в пер. с кит. «большое раскрашенное лицо», другое название — «чжэнцзин» и «дамянь». Исполнитель выступает на сцене в маске-гриме лянпю. Уравновешенный и исполнительный герой, занимающий высокое социальное положение. Образ создаётся с помощью величественной осанки. В этом амплуа в равной степени задействуется техники пения, декламации и актёрской игры, персонаж покоряет своей яркостью и выразительностью.